СОВЕТСКИЙ ВЕК

ЮНЫЕ ЗАЩИТНИКИ СТАЛИНГРАДА

РАССКАЗЫ ОЧЕВИДЦЕВ ПОДВИГА

Сборник

Юные защитники Сталинграда. Рассказы очевидцев подвига

Серия «Советский век»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74655131
Юные защитники Сталинграда. Рассказы очевидцев подвига: Родина; Москва; 2026
ISBN 978-5-00222-952-9

Аннотация

200 дней и ночей длилась Сталинградская битва. В книге собраны воспоминания ветеранов-участников о юных воинах, патриотах, героически защищавших город на Волге.

Самый юный защитник Сталинграда – шестилетний воспитанник (сын полка) 142-го гвардейского стрелкового полка 47-й гвардейской стрелковой дивизии Сережа Алешков спас жизнь командиру полка и трем офицерам. Четырнадцатилетний боец 120-го полка 39-й гвардейской стрелковой дивизии Володя Харченков в составе разведгруппы неоднократно ходил за линию фронта. Восемнадцатилетняя санинструктор 1087-го зенитно-артиллерийского полка Мария Панжина за мужество и героизм была награждена Орденом Ленина (посмертно).

Об этих и многих других юных героях, отдававших жизни во имя Отечества, рассказано в этой уникальной книге.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Часть первая. 7
Сын полка 7
В тыл врага 16
Несколько эпизодов[1] 26
Юный волгарь[2] 33
И мамы были с нами 49
Конец ознакомительного фрагмента. 60

Юные защитники Сталинграда. Рассказы очевидцев подвига

Я считаю, что молодежь принесла главную жертву в войне. Сколько прекрасных молодых людей мы потеряли! Сколько матерей не дождались с войны детей! С командного пункта я много раз видел, как молодые солдаты поднимались в атаку. Это страшная минута – подняться в рост, когда смертоносным металлом пронизан воздух. И они поднимались. Многие из них только-только узнали вкус жизни. Девятнадцать-двадцать лет – лучший возраст в обычной человеческой жизни. Все впереди… А для них очень часто впереди был только немецкий блиндаж, извергавший пулеметный огонь… Мы, люди старшего поколения, этого не забудем. Важно, чтобы и молодые не забывали.

Маршал Советского Союза
Г. К. Жуков

Курсантские полки, как правило, ставились на опасных направлениях. На их боеспособность можно было вполне положиться.

Все они сражались геройски. Где стояли курсанты, противник не мог пробиться. Многие из них отдали молодую жизнь за свободу и счастье

своей Родины – честь и слава им!
Маршал Советского Союза
Ф. И. Голиков

Серия «Советский век»

издательство
РОДИНА

© ООО «Издательство Родина», 2026

Часть первая.
Мальчишки, мальчишки…

Сын полка
Ю. В. Кленов

1944 год. Я и мой товарищ из 10-го Уральского добровольческого танкового корпуса Вася Уйманов стали суворовцами в Туле.

В один из дней, обмениваясь впечатлениями, связанными с переменами в нашей жизни, мы прогуливались по училищному плацу. Мимо в походном строю старательно вышагивали подготовишки из 5-й роты.

– Потешное войско шагает, – обратил я внимание Васи на малолеток.

– А там и наши есть, – заметил Василек. – Погляди-ка вон на того правофлангового карапуза…

– Во, да у него даже медаль «За боевые заслуги»…

Вася пояснил:

– Это Алешков Сережа. Слышал, что он командира полка спас.

– Как это такой малец умудрился?

– Да так. Командный пункт обрушило во время бомбеж-

ки. А он не растерялся. Быстро вызвал саперов…

После этого мне захотелось познакомиться с Алешковым поближе. Такой случай вскоре представился. Я учился в роте старших. Имел комсомольское поручение – раз в неделю проводить политинформацию в подготовительном подразделении.

Сергей Андреевич Алёшков (Алёшкин) (15 февраля 1936; Грынь, Западная область – 1 февраля 1990, Челябинск) – участник Великой Отечественной войны, гвардии рядовой, воспитанник (сын полка) 142-го гвардейского стрелкового полка 47-й гвардейской стрелковой дивизии. Принимал участие в Сталинградской битве, был самым юным защитником Сталинграда

Круглолицый, с серьезным недетским взглядом, Алешков был заметен среди своих однокашников. Из его скупого рассказа я узнал, что он проживал в Курской области, в селе Грынь. В годы войны оно стало базой партизанского движения.

Сережа рассказывал:

– Когда папка ушел на фронт, я с мамой и старшим братом Петей находился у партизан. Однажды мать с братом послали на задание, и в отряд они больше не вернулись. Мне сказали, что в село ворвались каратели. За связь с партизанами всех жителей они расстреляли, а хаты сожгли. Через несколько дней каратели нагрянули и на партизанскую базу. Партизанам с боем пришлось отходить в лес. Я выбился из сил. Отстал от них и заблудился.

…А в это время под Козельском Калужской области 510-й стрелковый полк вел изнурительные оборонительные бои. В перерыве между перестрелкой на командном пункте появился взбудораженный старшина Светличный. На руках он

держал изможденного, в рваном тряпье мальчонку. Выдохнув, он доложил заместителю командира полка майору Воробьеву:

– Вот, побачьте, товарыш майор, хлопця пидобрал в лесу. Дуже змożденный. Кажа, був у партизан. Мать и братку нимцы сничтожили.

– Доставить мальца в медсанбат, – распорядился майор Воробьев.

Светличный, словно младенца, приподнял Сережу со скамейки и вышел с ним из землянки.

Мальчонку накормили, уложили спать.

* * *

С каждым днем Сережа набирал сил, поправлялся. А когда окреп совсем, санитарка Зайцева пришла с ним к Воробьеву.

– Митрофан Данилович, – обратилась она к нему. – Сережа просит, чтобы его оставили в полку.

Воробьев посмотрел, улыбаясь, на посвежевшего, отдохнувшего мальчика, спросил:

– Значит, хочешь воевать вместе с нами?

– Хочу, – сказал Сережа.

– Что ж, пошьем тебе форму, и ты станешь воином.

Так и сделали. Старшина Светличный наставлял новоиспеченного «вояку»:

– Тэпер, Серега, пидешь к майору. Кажи ему, штось прибыл для прохождения службы в полку.

Светличный показывал мальчику, как во время доклада надо приставлять руку к пилотке, как пристукивать каблучками.

Воробьев назначил мальчика вестовым при штабе.

* * *

На одной из встреч Алешков расспрашивал уже меня: откуда я, где жил, как попал в суворовское? И когда узнал, что я из самого Сталинграда, как-то приободрился. В его больших серых глазах я впервые заметил веселые искорки.

– Вот, видишь? – сказал Сережа, показывая на свою новенькую медаль.

– Вижу.

– Так я ее на Сталинградском фронте получил…

И вот что он рассказал.

Под осень сорок второго года стрелковый полк, в котором находился Алешков, перебазировали под Сталинград. К этому времени майор Воробьев стал его командиром.

У берегов Волги шли кровопролитные бои. Во время массированного налета фашистских самолетов Алешков с часовым из комендантской роты Матвеевым находился в глубокой щели неподалеку от командного пункта. Рядом рвались бомбы. Алешкову казалось, что вокруг нет уже места, где

бы не падали бомбы, не рвались снаряды. Когда стервятники отбомбились, он выглянул из укрытия. И его охватил еще больший ужас: на месте землянки командного пункта торчали одни искореженные бревна да доски. А Сережа знал, что майор Воробьев с тремя офицерами штаба находился там. «Значит, они под землей», – смекнул Алешков и толкнул в бок часового Матвеева:

– Командиров завалило!..

Матвеев кинулся к землянке. А Сережа, несмотря на продолжавшуюся бомбежку, ринулся за саперами. Пока Матвеев вытаскивал из завала бревна, саперы с лопатами, ломами были уже на месте.

Тяжело контуженного командира полка и офицеров вызволили из земляного плена.

По ходатайству командования полка Алешков вскоре был награжден медалью.

– А что же было дальше? – поинтересовался я.

– Потом майор Воробьев усыновил меня. В моменты затишья разрешал разносить бойцам в окопы письма, газеты. Приходилось, конечно, во время боя подтаскивать патроны, пулеметные диски. Так я и прошагал с полком от берегов Волги до Вислы. В одной из наступательных операций находился в расположении стрелковой роты. Ранило в ногу. После этого майор уже не отпускал от себя, – рассказывал Алешков. – А на Магнушевском плацдарме в полку побывал маршал Чуйков. Заметив меня, поинтересовался: «А это что

за боец-молодец?» «Гвардии рядовой Алешков», – доложил я маршалу.

Он поговорил еще о чем-то с командиром полка. Потом, похлопав меня по плечу, сказал: «Вот что, Сережа, хватит с тебя войны. Поедешь учиться в суворовское». Конечно, жалко было расставаться с майором Воробьевым, с бойцами, но пришлось…

25 сентября 1949 года. В этот день состоялся наш первый выпуск. Мы прощались, преклонив колени, со знаменем училища, с нашими наставниками-офицерами.

А Сереже Алешкову предстояли еще пять лет учебы в училище. В тот день дорога жизни развела меня с ним. И только спустя тридцатилетие однокашник Алешкова – Владислав Якимов – разыскал меня (по моей заметке о нашем суворовце Васе Уйманове в «Комсомольской правде») и сообщил коротко о дальнейшей судьбе Сережи.

Вот строки из его письма:

«…С Алешковым я был в одной роте с 1946 по 1949 год. В 1954 году он закончил наше училище, и его направили в Киевское военное училище. Однако по состоянию здоровья его не закончил и был уволен в запас. Но Алешков не пал духом. Он поступил в Харьковский юридический институт. По окончании его попросился на работу в город Челябинск, где после демобилизации из армии жил его приемный отец Митрофан Данилович Воробьев…»

Сергей Андреевич Алешков работает на одном из пред-

приятий старшим юрисконсультом. Ведет активную военно-патриотическую работу среди молодежи. У него хорошая, дружная семья.

В тыл врага
Ю. В. Кленов

Невысокий плотный мужчина стоял у распахнутого окна. Бодрило легкое дуновение раннего ветерка. Наслаждаясь тишиной, мужчина вспоминал фронтовое сталинградское лето сорок второго. Тогда тринадцатилетний Федька Панков с больной матерью и малолетней сестренкой не успел эвакуироваться за Волгу.

…Ранним июльским утром к помощнику начальника штаба дивизии по разведке старшему лейтенанту Дорофееву привели шустрого паренька. Он был в засаленном, с латками на рукавах, свитере. В широких, по-цыгански заправленных в кирзовые сапожищи, непонятного цвета брюках. В замызганной кепчонке. Взгляд, однако, смелый, стреляющий.

– Товарищ старший лейтенант, – обратился к Дорофееву сержант Савостин. – Вот этот паренек к вам по очень важному делу…

– По важному? А ты кто такой? – испытующе смерил мальчика взглядом Дорофеев.

– Я?.. Федька…

– Ну, и что у тебя?

– Пришел получить задание.

– Какое?

Федька озорно заблестел глазами. Весь подался вперед:

– Так я, товарищ старший лейтенант, знаю, как пробраться к фрицам. Могу разузнать у них все, что надо.

– Ух, какой шустрый!.. Так вот, пошел и сразу все разведал, – недоверчиво поглядел на парнишку старший лейтенант.

– Ну, не сразу, конечно, – смутился Федька и шмыгнул носом.

Сержант Савостин кивнул на смущенного Федьку:

– Он, товарищ старший лейтенант, на прошлой неделе ночью провел наших разведчиков в село Червленое. А сейчас хочет получить самостоятельное задание.

– Значит, у немцев уже побывал, – насупил брови Дорофеев. – О Червленом что-то припоминаю… Кажется, оттуда «языка» приволокли.

Дорофеев теперь уже изучающе поглядел на мальчика. Заметил:

– Что ж. Насчет твоего предложения подумаем. А пока ступай с сержантом в землянку разведчиков.

Савостин привел Федьку в просторный блиндаж:

– Вот тут и квартируй.

Сержант ушел и вскоре возвратился с полным котелком пшенной каши. Ополовинив котелок, парнишка снял сапоги и полез на нары. Сон быстро сморил его после сытной горячей пищи.

Пока Федька отдыхал, старший лейтенант Дорофеев созвонился с разведотделом дивизии. Рассказал о Федьке. По-

интересовался, в какой операции его можно будет использовать.

В штабе дивизии, по некоторым сведениям, было известно о группировке вражеской техники на станции Абганерово. Надо было срочно уточнить: сколько ее там и какая она? И начальник разведотдела подполковник Тимофеев немедленно вызвал к себе старшего лейтенанта Дорофеева вместе с Федькой.

Подполковник сначала поинтересовался о родителях мальчика.

– Нету у меня родителей.

– Как? И матери нет?

– Погибла при бомбежке.

И Федька рассказал, как она воскресным утром пошла на базар. А немецкие самолеты сбросили бомбы. В общем, не вернулась мать… Отец воюет. А сестру приютили соседи.

Подполковник в упор посмотрел на мальчика:

– На нелегкое задание идешь, сынок. Справишься ли?

– Раз доверяете, не подведу, – твердо сказал Федька. Подумав, добавил: – Главное – перемахнуть линию фронта. А там буду действовать по обстановке…

Ответ мальчика понравился подполковнику. И он, обратившись к Дорофееву, приказал:

– Старший лейтенант, срочно готовьте к заданию.

– Есть, готовить!

…Задание для мальчика было нелегким. А времени для

подготовки к нему отвели мало. Благо, что скрытное место для перехода во вражеский тыл Федька определил сам. Он вспомнил полусгоревший участок ржаного поля, некогда принадлежавший колхозу. За ним пролегала степная трасса, ведшая на Абганерово. Важно, что грейдер пересекал неглубокую, но довольно длинную балку. По ней юный разведчик и рассчитывал незаметно пробраться к назначенному месту.

Однако прежде надо было пересечь ржаное поле, чтобы выйти к балке. А часть этого поля входила в нейтральную зону, которая время от времени простреливалась пулеметами врага. Поэтому помочь преодолеть трудный участок Федьке попросился опытный разведчик сержант Савостин.

Обрядили юного разведчика в самое что ни на есть рванье. В холщовый узелок положили только три луковицы да несколько сухарей – то, что положено иметь бродяжному подростку.

В сумерках сержант Савостин и Федька поползли через ржаное поле. Сержант полз метрах в десяти впереди. И когда вспыхивали зеленая или синяя осветительные ракеты, условным жестом руки показывал Федьке, чтобы он прижимался к земле.

Обогнув простреливаемый участок, разведчики вскоре оказались в сумрачной балке, заросшей местами кустами боярышника.

– Теперь пойду один, – тихо сказал Федька, тронув сержанта за рукав.

Тишина сперва наводила страх на юного разведчика. И он обходил каждый куст стороной. В одном месте вспугнул зайца. От неожиданности вздрогнул. Потом привык к редким ночным звукам и шорохам. А когда осветительные ракеты перестали взмывать кверху, он вылез из балки. На его счастье, неподалеку высился разбитый стог старой соломы. Мальчик закопался в него и подремал до рассвета. Разбудил его гул автомашин. Они мчались по степной трассе на Абганерово.

Становилось совсем светло. Федька в целях предосторожности снова спустился в балку. Теперь он смело шел к станции. Услышав шум моторов, время от времени выглядывал на грейдер. Примечал, какой транспорт двигался по нему.

…Прошло трое суток. Настали четвертые. Парнишка с задания не возвращался. В штабе начали за него тревожиться.

А он в это время шнырял между железнодорожными составами на станции. Незаметно для сопровождавших грузы заглядывал под брезенты. Уточнял: танки или орудия. Больше попадались танки. Новенькие.

В конце одного состава расхаживал часовой. Он обратил внимание на подозрительного мальчишку. Закричал:

– Малшык, ком, ком!..

– Вот тебе, а не ком! – показал Федька часовому фигу.

Часовой по-своему ругнулся. Кинулся за Федькой. Но парнишка знал, что делать ему в этом случае. Он шмыгнул под вагон стоявшего рядом состава. Несколько пробе-

жал вперед, юркнул под другой. Хотел было уже проскочить и под третий. Но тот состав раскатисто ударил буферами и медленно тронул с места.

Федька вскочил на подножку платформы, крепко уцепился за поручни.

Так проехал он три-четыре километра от станции. На подъеме эшелон сбавил скорость, и Федька, не раздумывая, спрыгнул на щебенку. До крови ободрал колено, поцарапал руки и лицо.

В таком виде и предстал в штабе.

– Товарищ старший лейтенант, задание выполнил! – доложил он.

Дорофеев схватил мальчика в свои медвежьи объятия, долго тряс его.

– Значит, так, Савостин. Первым делом накормить досыта. Потом все остальное, – распорядился старший лейтенант.

После сытной еды Федька опять встретился с Дорофеевым. Все, честь по чести, рассказал, что видел на Абганерово.

Данные оперативного отдела, которым располагал штаб, полностью подтвердились. А в дополнение к ним Федька уточнил, в какое время ночи подходят к станции воинские составы с людьми и техникой, когда выгружаются или следуют дальше. Указал Федька места двух больших пунктов боепитания.

– Молодец, разведчик! – похвалил его потом и подполков-

ник Тимофеев. – Теперь дело за авиаторами…

Новое задание Федька получил после отдыха – недели через две. На этот раз его маршрут пролегал в район Цацы и дальше.

Глухой ночью он пересек проход в минном поле, сделанном саперами. Удачно перебрался через линию фронта.

Федьке было поручено разведать основные места дислокации южной группировки фашистских войск, сосредоточение техники. Переходя безлюдной степью от хутора к хутору, юный разведчик вскоре оказался у озера Барманцак. Он залез поначалу в камыши. Стал вести оттуда наблюдение. Вскоре заметил разрозненные группы вражеских солдат. Своим обличьем они явно отличались от немцев.

В одном из дворов Федька увидел, как эти вояки «сражались» со старухой, вытаскивая из ее сарайчика захудалого боровка. Старуха была вооружена ухватом. Называла своих обидчиков нехристями и куроцапами. Но отстоять поросенка так и не смогла.

В другом дворе трое солдат «чистили» курятник. И там стоял несусветный куриный переполох.

Куроцапами оказались, как позже понял Федька, румынские солдаты. Всю награбленную живность они стаскивали к походной кухне возле окопов, над озером.

От кухни потягивал щекочущий ноздри аппетитный запах вареного мяса. А у Федьки в животе давно пусто. И потому, как мирно вели себя румыны, он решил рискнуть. Собрал на

берегу сухого камыша и понес его к кухне, у которой орудовал большим черпаком толстый и лохматый, как цыган, повар.

Он обрадовался незваному помощнику. Заставил Федьку еще принести камышу. Мальчишка показал рукой на свой тощий живот, давая понять, что голоден. Повар догадался. Вытащил из котла куриную ножку. Но не успел Федька воспользоваться угощением, как другой солдат – караульный дал ему пинка и втолкнул в рядом находившуюся землянку.

Федька стал осматриваться. В землянке было прохладно. В глаза бросился низенький на кривых ножках стол. На нем стояли одна недопитая и другая, еще засургученная, бутылки шнапса, лежали разбросанные небрежно куски сыра, вареного мяса. У Федьки невольно потекли слюнки. Он ненароком подумал, что солдат-караульный, может быть, и втолкнул его сюда, чтобы покормить. Но…

За столом сидел офицер. Караульный шепнул ему что-то на ухо. Офицер осоловелыми глазами смерил Федьку, уставился на него. Федька же перевел свой взгляд на ободранный книжный шкаф, стоявший в углу. Там висела испещренная синими и красными стрелами карта.

Офицер потянулся за стопкой. И выплеснул водку в лицо Федьки. Мальчишка ощутил резкий запах спирта. Рукавом свитера начал вытирать лицо. И от злости чуть не выкрикнул: «Вот, гад какой!» Но сдержался. Только скривил губы, жадно поглядывая на еду.

Офицер что-то грозно буркнул караульному. Тот вытянулся в струнку. Затем схватил Федьку за рукав и вытолкнул из землянки.

«Чокнутый, что ли?» – подумал об офицере разведчик. К кухне он уже не пошел, а побежал к озеру. Не успел забраться в камыши, как услышал звук автомобильных моторов и голоса. Солдаты обступили кухню. И повар стал наливать им в котелки еду.

«И мне надо перекусить». Федька начал дергать из воды мучнистый корень тростника. Пожевав, решил проследить, откуда приехали румынские солдаты. Когда снова загудели моторы, Федька вылез из камыша. Под прикрытием берега вышел за хутор. Огляделся и понял, что машины с солдатами остановились в низине, у садов, за которым виднелось большое село.

Приблизившись к садам, парнишка увидел орудия с задранными стволами. Возле них возилась прислуга. Федька понял, что это зенитные орудия. Начал считать их. Зениток оказалось больше двадцати. Федька осторожно обошел сады и вышел на грейдер. По нему в сторону села Тундутово прошли две машины с солдатами.

«Опять черномазые. А куда подевались фрицы? Хотя бы одного увидеть, – посетовал Федька. – Придешь с задания, и докладывать нечего будет».

Ни других войск, ни другой техники он нигде в округе больше не заметил. Безлюдье на дорогах и в степи удивляло

парнишку. Будто здесь войны и не было.

…Когда Федька вернулся к своим, старший лейтенант Дорофеев посадил его в свой «пикап» и немедленно доставил в штаб дивизии. Подполковник Тимофеев радостно встретил юного разведчика.

– Ну, как?

– Ничего ценного, товарищ подполковник, не обнаружил, – хмурясь, докладывал Федька. – Даже ни одного фрица не увидел…

– Не видел? – насторожился подполковник.

– Солдат-то видел, да только румынских, – поправился Федька. – Там у них, в низинке, у садов, больше двадцати зениток.

– Так это ж целый зенитный полк! – похлопал радостно по плечам Федьки подполковник. – И важно, что не немецкий…

– А куда подевались, товарищ подполковник, фрицы?

– Найдем и фрицев…

Сведения, которые доставил и которым не придал значения Федька, оказались очень ценными. За это Федю и наградили медалью «За отвагу».

…Федька опять рвался в разведку. Глубокой осенью его начали готовить к новому заданию. Но операцию вдруг отменили. Наши войска под Сталинградом вскоре перешли в контрнаступление, прорвали оборону противника как раз в тех местах, где Федька ходил в разведку.

Несколько эпизодов[1]
Л. С. Пластиков

Это была памятная тревожная ночь. И не только для меня, но и для всех парней и девчат нашей тракторозаводской комсомолии. Позже нам пришлось встретиться с еще большими испытаниями, но тогда мы уже прошли через их огонь, а в эту ночь, 23 августа 1942 года, впервые вступали в бой, в бой с врагом, ворвавшимся на порог родного завода, родного дома.

В райкоме комсомола собралось много народа. С тех пор, как фронт подошел к нашему городу, комсомольцы, закончив смену, шли в райком, как в штаб. И у всех один вопрос: когда пошлют на фронт?

– А вы и сейчас на фронте, – говорили мы. – Весь наш город фронтовой.

Бои развернулись уже на подступах к Сталинграду. Каждый из нас был приписан к отряду народного ополчения. Днем работали, после смены учились воевать, несли боевую вахту.

– Мы все это понимаем, – отвечали самые нетерпеливые. – И мы требуем, чтобы нас послали на передовую. Мы хотим

---

[1] *Пластиков Л. С.* Несколько эпизодов. В кн.: Битва за Сталинград. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1970.

лично всадить пулю в лоб проклятым фашистам.

И вот сама передовая приблизилась к нам. Ночью 23 августа пришла тревожная весть: фашисты прорвались к тракторному заводу. В 11 часов мы получили приказ городского Комитета обороны: направить на передовую 120 человек. Добровольцев не пришлось даже созывать. Они уже стояли наготове. Их было больше, чем требовалось. Я смотрела на строгие, полные решимости лица своих товарищей. Сколько раз мы собирались вот так же вместе. Но тогда, в мирные, радостные дни, нас волновали совсем другие заботы. А сейчас нас ждет смертельная схватка с врагом, и может быть, многих завтра уже не будет в живых. Что сказать им, моим товарищам, в час испытания?.. Ведь они ждут от меня, секретаря райкома комсомола, каких-то особых слов. И я вспомнила героя гражданской войны Николая Руднева. Он был таким же юным, как мы. На наших комсомольских собраниях мы часто говорили о нем, о его короткой и яркой жизни. Передо мной словно встал в строй Николай Руднев в лице моих товарищей.

– Помните, товарищи, как Николай Руднев в трудный для Красного Царицына час спас цитадель революции? – обратилась я к ним. – Будьте же такими, как он. И будем еще такими, как «железный Феликс», чье имя носит наш завод.

Все лица повернулись к скульптуре Феликса Дзержинского, озаренной ночными сполохами. Он в этот момент словно к нам протягивал руку и словно говорил, указывая на завод:

«Это ваше детище, ваша гордость. Пусть враг узнает силу ваших ударов!»

От уходивших на передовую слово взял член райкома комсомола Борис Ромин.

– Вот стою я на родной земле и думаю: не для того мы построили такой завод, чтобы отдать его врагу, – сказал он. – Не для того росли в семье сталинградцев, чтобы допустить фашистов к Волге. Смерть фашистам!

И все повторили клятву:

– Смерть фашистам!

…На передовую ушел первый отряд, а вскоре и мы все стали бойцами. Навсегда останется в моей памяти одна из штурмовых ночей. Я, Шура Варламова и Таня Никина заняли позиции рядом. Мы вели огонь по немцам. Вдруг Таня вскрикнула и побледнела, на одежде у нее выступила кровь.

– Ползи в сторону! – крикнули ей.

Но Таня отрицательно качнула головой и снова стала целиться в фашистов. Они приближались. Их было куда больше, чем нас. И тогда Сергей Гаврилов и Коля Тимошенко ползком по канаве пробрались в подбитый танк, зарядили орудие и, когда фашисты сосредоточились метрах в ста от танка, открыли огонь. Немцы, не ожидавшие такого отпора, отошли, а затем ударили с новой силой. Снаряды сотрясали танк, но комсомольцы продолжали сражаться и покинули свою позицию только после того, как связной передал им приказ вернуться в окопы.

Отличился в этом бою Костя Сулимов, стахановец из механического цеха. Скромный и простой парень, он проявил себя героем.

Костя до этого ремонтировал машины, а когда начались бои, вместе с друзьями сел в танк и повел его на врага. Вражеский снаряд вывел из строя боевую машину. Костю тяжело ранило. Истекая кровью, он крикнул своему другу:

– Петя, совсем немного осталось до высоты. Нажми, голубчик!

Еще день тому назад тревога сжимала сердце – как поведут себя в боях наши необстрелянные юноши и девушки? Теперь же мы знали: тракторозаводская молодежь с честью выполняет свой долг перед Родиной. Мы гордились ими и говорили о них как о героях.

Отбив натиск врага, мы скоро вернулись на завод. Цехи продолжали работать: ковать оружие для фронта, возводить укрепления.

На строительстве баррикады у Нижнего поселка работал Миша Ларин. За один день у него погибли отец, мать, братишка. Миша тяжело переживал утрату самых близких для него людей. И горе еще больше ожесточило его сердце к врагу. Когда баррикада была готова, Миша Ларин пришел с рапортом и сказал:

– А теперь прошу – пошлите на фронт.

Они все, шестнадцать комсомольцев – Миша Ларин и его товарищи – стали бойцами и отличились в боях за Сталин-

град.

А вот еще пример. Когда немецкие танки прорвались уже к заводской площади, комсомольцы сборочного цеха еще продолжали ремонтировать танки. Узнав, что враг рядом, они во главе со своим секретарем Петром Корчагиным сели в танк и повели его в бой. Вместе с ребятами на передовую ушли сотни девушек. Под бомбами, артиллерийским и пулеметным обстрелом они спасали раненых. Наши комсомолки-активистки печатали в заводской типографии листовки с сообщениями Совинформбюро и разносили по окопам и блиндажам.

Среди этих отважных девушек особенно запомнилась мне Дуся Дмитриева, дочь рабочего СТЗ. Ей не было еще двадцати лет. До войны она работала в диспансере, в 1940 году вступила в комсомол. Началась война, и она стала медсестрой МПВО. Все мы ее очень любили, называли ее Дуся беленькая. Такая она действительно была: беленькая и красивая. Дуся всегда была нашим запевалой в строю. Она очень любила песню «Священная война». Вместе с другими сталинградскими девушками Дуся писала в письме защитникам Сталинграда: «Наше счастье и будущее, наша молодость в ваших руках. Для вас мы готовы на все».

Дусе, казалось, неведом был страх. Никакая бомбежка ее не пугала. Вместе с бойцами она тушила пожары, разбирала завалы. Как-то Дуся сопровождала санитарную машину с ранеными бойцами. Рвались снаряды. В пути машина заго-

релась. Когда шофер остановил машину, Дуся вместе с ним стала сбивать пламя. Обожженная, почерневшая, она снова отправилась за ранеными на передовую.

Четырнадцать раз ходила Дуся в разведку в тыл врага. В последний раз, возвращаясь с задания, она вместе со своей подругой Надей Шуриной попала на минное поле. Дусе оторвало обе ноги и кисть правой руки. Сильные ранения получила и Надя. Умирая на руках подруги, Дуся прошептала: «Передай моей маме, подругам, товарищам, что я умираю за Родину, за Сталинград!»

Однажды к нам в райком приехал связной из военкомата с запиской. Военком просил прислать боевую группу для работы на переправе. Мы подобрали самых активных ребят во главе с Осиповым. Трудно им пришлось под огнем перевозить женщин, детей, стариков. Гитлеровцы непрерывно обстреливали переправу. И остановиться нельзя ни на час. Людей много, среди них раненые. Комсомольцы не смыкали глаз, падая от усталости, продолжали работать.

Немецкие самолеты обстреливали с бреющего полета переправу. Они снижались настолько низко, что видны были лица летчиков. От взрывов волны захлестывали плоты, и не раз смывало людей. Спасая их, комсомольцы бросались в Волгу. Особенно много жителей спасли комсомольцы Паша Макаров, Ваня Лушниченко.

У Паши в эти дни родился сын. Жена с сыном находились в укрытии. Он очень за них волновался, но так и не мог вы-

рваться к ним: не мог бросить раненых, которых переправлял за Волгу.

Как сейчас помню свой разговор с сандружинницей Шустовой:

– Тоня, – спросила я, глядя на ее воспаленные глаза, – ты, вероятно, сильно устала, может быть, заменить тебя на время и ты отдохнешь?

Я знала, что Тоня давно уже совсем не спит, день и ночь сопровождая на левый берег раненых.

– Что ты, Лида, – ответила мне Тоня, – я нисколько не устала, да и раненых много. Нет, не надо меня подменять.

Это были скромные герои, но именно герои.

Помню общее собрание комсомольской организации нашего района, созванное уже после того, как здание райкома было разбито бомбой. Собрание проходило на рассвете в глубоком овраге. На повестке дня стоял вопрос о создавшемся положении и плане дальнейшей работы.

Я выступила с докладом. Слушали меня молча, но очень внимательно. Решение было кратким: «Не покидать своих боевых постов, драться до последней капли крови, все свои силы отдать на оказание помощи Красной Армии в борьбе с немецкими захватчиками».

Так трудились, так сражались наши комсомольцы, комсомольцы Сталинградского тракторного.

Юный волгарь[2]

В. М. Ионов, полковник в отставке

Моя память часто возвращается к незабываемым дням великой битвы на Волге. И перед мысленным взором встают образы моих боевых товарищей.

Однажды в одном из полуразрушенных цехов завода «Красный Октябрь» я встретил совсем юного бойца: он нес ящик с боеприпасами. Взглянув на него, я вспомнил, что где-то встречал этого паренька. Когда он поравнялся со мной, я спросил, как его зовут и где мы с ним встречались. Он ответил, что зовут его Володя Харченков, а встречались мы с ним под Москвой на складе парашютов.

Завязалась беседа. Володя рассказал мне, что родился и вырос здесь, в Сталинграде, в заводском поселке. Дом его там, где сейчас проходит наш передний край. Отец работал в мартеновском цехе сталеваром. А теперь его нет – он умер. Потом умерла мать. Его приютила тетка. Когда началась война, он решил идти добровольцем в армию. В военкомате ему сказали, что еще молод.

Он поехал погостить к другой тетке, которая жила на Дону, в хуторе Зимовейском.

---

[2] *Ионов В. М.* Гвардейская закалка. В кн.: Вспомни, товарищ. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1972.

А на другой день тетка получила письмо от родственника, проживающего в небольшом городке под Москвой. Володя решил ехать туда, поближе к фронту. Уехал тайком.

К родственникам добирался около недели, на попутных поездах, «зайцем». Доехал до места, нашел родственников, у которых квартировал старший лейтенант, служивший в одной из десантных частей. Володя стал проситься в эту часть добровольцем. Ему отказали в этом, но зачислили вольнонаемным рабочим на парашютный склад.

– Там вы меня и видели, – закончил Володя.

В дальнейшем я узнал, что когда 5-й воздушно-десантный корпус переформировали в 39-ю гвардейскую стрелковую дивизию и направили под Сталинград, Володя снова оказался не у дел. Пристроившись к одному из батальонов, он прибыл на станцию Качалино. Это было 13 августа, в дни напряженнейших боев на Дону. Зная, как нужны в подразделениях бойцы, Володя обратился к комиссару батальона С. В. Митину с просьбой зачислить его в полк. Тот отказал.

Владимир Никифорович Харченков

Раздосадованный новой неудачей, Володя ушел в хозяйственный взвод, где помогал таскать и рубить дрова, носить воду, мыть посуду. В этом взводе тоже не хватало людей, так как многие ушли на передний край. Володя был сыт, но это его не устраивало, он хотел драться с фашистами…

Через несколько дней разведчикам понадобился проводник. Они шли на разведку за Дон, в район хутора Зимовейского. Зная, что у Володи там живут родственники и что он хорошо знает местность, они взяли его с собой. После этого опасного рейда в тыл врага его зачислили в полк…

Прошло много лет. Сижу в архиве и держу папку с документами времен Сталинградской битвы. Передо мной свидетели тех огневых дней – боевые и политические донесения из частей нашей дивизии. Сам вид папки вызывает волнение. Края обожжены огнем. И я вспомнил, как переправляли эти документы через Дон, как погиб при этом делопроизводитель штаба – москвич Саша Никишев. Выпавший из его рук портфель прибило волной к берегу. Его подобрали и принесли мне. Потом в Сталинграде от зажигательной бомбы, попавшей в штаб, снова загорелись документы. Папка буквально прошла огни и воды. С трепетом раскрыв ее, листаю страницы. Вот донесение начальника разведки 120-го стрелкового полка от 21 августа 1942 года:

«Разведкой установлено, что перед фронтом полка действуют части 384-й дивизии противника. У восточной окраины хутора Зимовейский обнаружено на огневых позициях до дивизиона артиллерии противника. На западной окраине хутора – 10 танков.

Захвачены штабные документы противника.

Потери: 3 человека убито, 1 – ранен.

Филин».

Прочитав эти строчки, я вспомнил рассказ старшего лейтенанта К. С. Филина. Вот какой ценой добыты эти данные.

Разведгруппа, перед тем как идти в разведку, целый день сидела в кустах на берегу Дона, подыскивая место, где можно было бы незаметно для врага переправиться на тот берег.

Группу разведчиков возглавлял лейтенант Гулеев. В ней, кроме него и Володи, были рядовые Миша Артемов, Ваня Голованов и Алеша Журков. Володя сидел в окопчике рядом с Тулеевым. Наблюдали за тем берегом. Обнаружили один, потом второй окоп, откуда иногда бил пулемет.

Прошел день. Наступила ночь. Разведчики осторожно спустились в воду и поплыли. Там, где было озеро, знакомое Володе, черным зубом выступала ветла. Они еще днем выбрали ее ориентиром. Плыли долго. Но вот и дно. Остановились, прислушались. Совсем рядом кусты. Что за ними? Наступила решающая минута.

Несколько шагов – и разведчики в кустах. Осторожно,

гуськом перебрели через озерцо и вышли к знакомой Володе лощинке, ведущей к самому хутору. Где-то невдалеке взлетела ракета. Разведчики замерли. Неужели заметили? Нет. Кругом все спокойно. Вскоре впереди затемнели хаты. Группа залегла.

Долго лежали, прислушиваясь. Потом Володя пробрался во двор. От тетки и ее соседки узнал, что в хуторе фашистов нет, только в крайнем доме расположились два офицера и несколько солдат, а за околицей, метрах в ста, стоят пушки. Около них в окопах – солдаты.

С этими сведениями Володя вернулся к Тулееву. Тот сказал:

– Видимо, какой-то небольшой штаб. Нам это как раз и нужно. Попробуем достать документы. Пошли!

Володя повел их. Вот и крайний дом. Возле него, засунув руки в карманы и что-то бормоча под нос, бродил часовой. Гулеев, жестом показав на горло, приказал Артемову убрать часового, а Голованову и Журкову обойти дом.

Укрываясь за плетнями, Артемов подобрался к углу дома и затаился. Подпустив часового, он набросился на него сзади, свалил на землю. Оставив Артемова и Володю охранять вход, Гулеев с Голованом и Журковым ворвались в хату. Раздалось несколько выстрелов, а вслед за ними из хаты выскочили разведчики. Голованов держал в руках папку, а Гулеев платком зажимал рану на левой руке.

По пути к Дону, за околицей, обнаружили девять пушек

и десять танков. Когда подошли к берегу, Гулеев, передав Володе полевую сумку и захваченные документы, приказал ему плыть первому.

Со стороны Зимовейского раздалось несколько выстрелов. Обнаружив последствия визита разведчиков, гитлеровцы подняли тревогу. Над рекой вспыхнула осветительная ракета, за ней другая. Фашисты заметили плывущих и открыли огонь. Вокруг защелкали пули. Володя нырнул и поплыл под водой. Вынырнув и подняв голову, чтобы набрать воздуха, он увидел: лейтенант выбивается из последних сил. Парнишка бросился к нему и начал подталкивать к берегу. Рядом с ними никого не было.

Кругом свистели пули. Володя помог Тулееву выбраться из воды. Они укрылись за песчаным бугром. Володя перевязал лейтенанту раны, а сам с захваченными документами явился в штаб полка и доложил Филину о результатах ночного рейда.

После этого Володю зачислили в полк и в боях под Паньшино еще два раза посылали в разведку…

Вот что скрывалось за скупыми строками разведдонесения. Под впечатлением нахлынувших воспоминаний я продолжал листать папку и вскоре нашел еще один документ, касающийся Володи. Это было донесение из 120-го полка, в котором говорилось, что недостаток боеприпасов, который полк испытывал в предыдущие дни, ликвидирован. Командир полка майор Горячев писал:

«К концу дня в полку почти не оставалось боеприпасов. Того, что мы получали на правом берегу, нам явно не хватало, и мы решили послать своих представителей на ту сторону Волги. За это дело взялись двое наших бойцов – Володя Харченков и Ашкир Мурзагалиев. Володя, знающий здесь все ходы и выходы, провел Ашкира на берег Волги. Там друзья нашли пробитую осколками лодку. Наложили на пробоины тряпки, забили дыры кусками досок и отправились в путь. Им надо было подождать, пока стемнеет, но ребята поторопились, и когда лодка вышла на середину реки, фашисты открыли по ним огонь. Что делать? Ребята бросились в воду и поплыли к острову. Лодку гитлеровцы разбили.

Когда стемнело, задумались: куда плыть? Обратно? Но что делать без лодки? Да и возвращаться в полк с пустыми руками не хотелось. Окоченевшие, в мокрой одежде, решили идти за боеприпасами. Рядом лежало небольшое бревно. Им и воспользовались юные снабженцы.

Плыли они довольно долго, устали, потому что бревно все время не слушалось их, разворачивалось вдоль по течению. Они уже начали выбиваться из сил, когда почувствовали под ногами дно.

Бросив бревно, Володя и Ашкир устремились на берег. Там разделись, выжали одежду и, чтобы согреться, побежали, держа путь к переправе. Вскоре их кто-то окликнул. Им повезло: это оказался часовой, охраняющий пункт боепита-

ния, только что организованный тылами нашей дивизии. На этом пункте им выделили лодку и помогли загрузить ее боеприпасами. К утру ребята прибыли в район обороны полка.

Так за Володей была закреплена обязанность "начальника боевого питания" 3-го батальона».

Читая листок за листком, я представлял события тех дней и людей, окружавших меня. Вот документы за 23 октября.

Тяжелейший день оборонительных боев в Сталинграде. Взрывы. Пыль. Смрад. Телефонная связь нарушилась. Рации разбиты. Управление частями осуществлялось записками, нацарапанными на клочках бумаги. Их сквозь огонь несли связные. Эти клочки тоже подшиты в папке. Для непосвященного это мусор, для тех, кто пережил те дни, за каждым листком – человеческие жизни.

Вот листок из тетради – полевая записка. Помню, ее принес истекающий кровью боец:

«Гурьеву. 10.30, 23.10.42 г.

Противник прорвал левый фланг моего 883-го стрелкового полка. Прошу помочь в уничтожении прорвавшегося противника. Свои резервы исчерпал.

Смехотворов».

Резервов у нас тоже не было. Помочь соседу справа мог только дравшийся уже в полуокружении наш 120-й полк, ку-

да сразу же со связным послали полевую записку. Горячев, получив приказ, выделил для удара по прорвавшемуся противнику 8-ю роту 3-го батальона. Роте требовались боеприпасы, и их под огнем, перебегая от одного укрытия к другому, доставили Володя Харченков и Ашкир Мурзагалиев.

Выполнив задание, они поспешили за новой партией боеприпасов. Пробирались развалинами одного из цехов. Володя с винтовкой на ремне шел впереди, за ним Ашкир. Вдруг раздался хриплый окрик:

– Хальт!

Володя сорвал с плеча винтовку, но выстрелить не успел. Внезапно появившийся из-за обломка стены фашист выстрелил в него. Ашкир тут же сразил фашиста. Потом подполз к Володе и спросил:

– Что с тобой? Ранен?

– Сильно болит плечо, – ответил Володя.

Ашкир помог ему подняться и, прячась за развалинами, довел до медпункта. Там парнишке наложили повязку и сказали, что надо пробираться в медсанбат.

Ночью раненых погрузили на катер, и они в сопровождении санинструктора Тамары Гончаровой отправились на ту сторону. На середине реки катер попал под артиллерийский огонь и, получив пробоину, стал тонуть.

Капитан направил судно к косе, но оно, не дотянув до мелкого места, погрузилось в воду. Раздались крики и стоны тонущих. Володя, загребая здоровой рукой, поплыл к берегу.

Тамара хотела ему помочь, но он решительно заявил:

– Сам доберусь, помогай другим!

Тамара устремилась к барахтавшемуся невдалеке другому раненому. Рядом с ней спасали воинов и члены команды катера.

Сдав раненых в медсанбат, Тамара возвратилась в часть, где доложила о ночном происшествии командиру полка, от которого обо всем узнал и я.

Еще донесение. Оно подписано комиссаром полка С. В. Митиным. В нем сообщалось о несчастном случае с красноармейцем Ашкиром Мурзагалиевым.

Шел бой. 120-й полк выбивал фашистов из механического цеха. Чтобы выкурить их, наши бойцы использовали ампулометы. В расположение противника полетели стеклянные шары-ампулы с зажигательной смесью. Ампулы разбивались о камни, зажигательная смесь вспыхивала и растекалась. Охваченные пламенем гитлеровцы выскакивали наружу и попадали под пули наших солдат.

Володя и Ашкир несли в батальон ящик таких ампул. Надо было преодолеть небольшой участок простреливаемого пространства, всего метров тридцать. Отдохнув немного, они бегом бросились вперед, и когда до ближайшего укрытия осталось каких-нибудь десять метров, Ашкир схватился за грудь. Почти одновременно с этим пули разбили в ящике несколько ампул, и они вспыхнули. Объятый пламенем Ашкир повалился на камни и потянул за собой ящик. Пытаясь

оттолкнуть от Ашкира ящик, Володя дернул его за планку на себя. Планка оторвалась, и Володя упал. Вскочив, он сбросил с себя горящие рукавицы и устремился к Ашкиру. Попавшимся под руку железным прутом он отбросил от товарища ящик, затем, сорвав шинель, пытался потушить пламя, но это ему не удавалось. Шинель тоже загорелась, и пламя охватило Володины сапоги. Тут к нему подбежали двое бойцов и, оттащив в укрытие, сбили своими шапками огонь с его сапог. Так Володя потерял своего друга.

Когда я уже заканчивал работу над документами 39-й стрелковой дивизии, мое внимание привлекла коротенькая записка. В ней командир 120-го полка просил начальника тыла поставить на довольствие… лошадь.

…Шел декабрь 1942 года. Противника уже выдворили с завода, и наши части вели бой на рубеже железной дороги, проходившей по улице Северной. Готовясь к дальнейшему наступлению на школу № 5, из 120-го полка выслали разведку. Проводником был Володя. Путь лежал мимо развалин его родного дома. Проходя невдалеке, парнишка не вытерпел, подкрался к разрушенным стенам, заглянул внутрь двора и увидел лошадей. За домом, в лощинке, стояли пушки, около них копошились гитлеровцы. Обойдя их стороной, Володя с товарищами продолжили свой путь. Разведали позиции шестиствольных минометов и расположение второй линии обороны противника.

Повернули обратно. Проходя мимо своего дома, парниш-

ка попросил товарищей задержаться на минутку. Он заглянул внутрь двора: кони стоят. В доме и рядом никого нет. У Володи мигом родилась мысль – увести лошадь. Волга стала, на лодках боеприпасы уже не увезешь, да и передний край ушел далеко от берега. Таскать ящики на себе тяжело. То ли дело лошаденка! Тем более она рядом.

Старший группы Михеев не соглашался с затеей Володи, потом уступил. Решил, что парнишка сам выведет лошадь и на длинном поводу поведет ее к овражку, что невдалеке. Остальных же лошадей отвяжет, чтобы создать впечатление, что они сами оторвались и вышли из стойла. На это время разведчики залягут перед оврагом и в случае надобности прикроют Володю огнем.

Так и сделали. Володя с лошадьми совсем было уже добрался до овражка, но один из фашистов заметил его и поднял стрельбу. Открыли огонь и наши разведчики. Фашист упал. У гитлеровцев началась суматоха. Взлетели ракеты, но Володя с лошадью и вся группа уже скрылись в овраге. Гитлеровцы продолжали пальбу, но преследовать смельчаков не решились.

За эти похождения Харченкову и Михееву крепко досталось от командования. Но лошадь оставили и стали возить на ней боеприпасы.

Незадолго до окончания боев в Сталинграде нашего юного воина направили в школу младших командиров. Мне хотелось бы сказать, что послали сына нашего полка, но это

выражение будет неточным. Оно в последнее время часто встречается в воспоминаниях ветеранов о подвигах малышей, случайно захваченных событиями войны и оставшихся случайными спутниками полков. Нет, Володя не был таким. Он был частицей личного состава, был солдатом. Он мужал вместе с воинами в боях. Рос так, как это сказано в известном стихотворении Алексея Суркова «Защитник Сталинграда»:

Просто солдат, лейтенант, генерал
– Рос он в страде боевой.
Там, где в огне умирает металл.
Он проходил живой.
Сто изнурительных дней подряд
Он защищал Сталинград.

…Прошло много лет. Уволенный из армии в запас, я вернулся жить в родной Сталинград. Тут меня потянуло к местам, где я воевал, – на завод «Красный Октябрь». Рабочие подняли его из руин. И когда наша страна подошла к знаменательному рубежу – ста миллионам тонн стали в год, заводу было предоставлено почетное право – выдать заключительную плавку.

Отмечая это событие, парторганизация предприятия пригласила меня на короткий митинг в мартеновском цехе. В красном уголке передо мной сидели и стояли сталевары, которым я рассказал о том, как их цех, подобно крепости, стоял на пути фашистов, стремившихся пробиться к Волге. Рас-

сказал и о подвигах бойцов рабочего отряда краснооктябрьцев, влившихся в нашу дивизию.

Митинг окончился. Рабочие заторопились в цех. И тут из задних рядов ко мне подошел плотный, с румяным лицом, очень знакомый человек. Тревожно забилось сердце: кто же это?

– Узнаете? – спросил он.

«Володя?» – предположил я мысленно и потом уже воскликнул:

– Володя!..

Сначала, не в силах преодолеть волнение, молчим. Потом начали говорить, но слова застревали в горле. Туман застилал глаза. Поговорили немного. Володе надо было идти к печи. Наговорились уже потом, в семейном кругу. Он мне рассказал, что после окончания школы младших командиров снова вернулся в полк. Прошел с ним до Берлина. Дошел туда и его конь, захваченный им у фашистов в родном доме.

Закончив войну, старшина Владимир Никифорович Харченков служил еще несколько лет сверхсрочно. После демобилизации вернулся домой. Решил последовать примеру отца и пошел учиться на сталевара. Этой профессии он посвятил всю свою жизнь. Мне довелось видеть его в работе.

Стою, смотрю на жаркие печи, выстроившиеся вдоль огромного цеха. Любуюсь Владимиром Никифоровичем, и передо мной встает другая картина: грозных дней 1942 года. Вспомнились этот же цех и печи. Так же гудела земля,

так же кругом выплескивалось пламя, только не из печей, а из стволов винтовок и пулеметов, из разрывающихся бомб и снарядов. Вспомнился юный Володя, волокущий сюда, в пекло, к этим печам, ящики с боеприпасами и сражающийся за этот цех.

Прошли годы. А этот человек, выбравший себе такую нелегкую, но почетную профессию, и сейчас на переднем крае трудового фронта.

Он и сейчас солдат. Такова уж она, рабочая гвардия!

Ныне Владимир Никифорович на пенсии. Он часто выступает перед школьниками, молодежью. Рассказывает им о своих боевых делах, воспитывает их в духе неугасимой любви к своей Родине-матери.

И мамы были с нами

В. В. Киселев, лейтенант в отставке

Ночью погрузились на баржу. Не слышно ни разговоров, ни возгласов: чувствуется напряжение сотен людей.

Сквозь застывшую вокруг нас темноту волнами прокатываются звуки то сплошного гула, то какого-то тяжелого обвала, а то вдруг оглушающего залпа орудий, бьющих где-то совсем близко.

Я вслушиваюсь в звуки с той стороны, смотрю на вспарывающие темень грозные сполохи за Волгой и пытаюсь представить, что ждет нас там, за рекой.

В городе идет бой. Слышны взрывы, очереди пулеметов, глухой слитный треск автоматов и отдельные винтовочные выстрелы. Разноцветные трассы перебегают по берегу, сыплются в воду, а кое-где достигают и нашей стороны…

Трапы убраны. Слышно, как загудела машина нашего буксира-баркаса. Нос баржи отваливает от причала, и она, развернувшись почти поперек течения, направляется в сторону пылающих на том берегу нефтяных баков.

Вверху гудит самолет, в ночном небе вспыхивают «фонари». Над нами шелестят снаряды, за кормой грохочут взрывы. Вслед за снарядами взрываются у левого борта мины, и вместе с брызгами воды в борт ударяют осколки. Осветительные ракеты, брошенные с самолета на маленьких парашютах,

горят и над нами, и впереди нас. Фашисты в свете ракет заметили нашу баржу, и их снаряды и мины ложатся возле нас. С крутого правого берега по наклонной траектории спускается к барже огненная строчка пулеметной очереди.

Но берег все ближе. Он уже защищает нас от прицельного огня.

– Лейтенант Постников! – слышу голос командира батареи. – Подойдите сюда.

Юрий идет на правый борт. Я вижу силуэты командира батареи, политрука и подходящего к ним лейтенанта. О чем-то переговорив, командир батареи направляется к носу, политрук остается на месте, а лейтенант возвращается к нам.

– Ахметов, Киселев! При высадке будьте со мной. Пойдем за атакующими ротами. Наша задача: выбрать огневую позицию для минометов и найти наблюдательный пункт, как только закрепится пехота.

Я знаю, почему лейтенант решил взять именно нас: мы хорошо знаем друг друга и во всем верим, как каждый верит себе.

– Оружия какой брать, товарищ лейтенант? Бутылка брать? – Ахметов не в ладах с русским языком.

– Бери, Ахметов, только гранаты и побольше патронов, – отвечает лейтенант.

Мы набиваем карманы патронами. Я беру пару гранат РДГ, вставляю запалы и засовываю их за пояс, сдвинув в сторону гранаты-лимонки Ф-1. Алим зачем-то прихватывает и

противотанковую гранату.

– Мешать же будет, – говорю ему.

– Не будет… Пригодится…

Уже светает. Над нашими головами светятся строчки трассирующих пуль. На берегу слышны стрельба и взрывы гранат.

Баркас подводит баржу к причалу, но она встает неудачно. Нам с кормы надо бежать к носу. С правого борта бойцы тащат две длинные сколоченные доски и спихивают их одним концом в воду. А чуть дальше по таким же доскам и по причалу уже сбегают бойцы.

– Ребята, за мной! – дает команду Постников и по доскам, балансируя, вслед за несколькими бойцами бежит к воде. Я спешу за ним. Алим дышит мне в затылок, прогибая весом своей здоровенной фигуры жидкий «трап». В конце его я прыгаю в воду. Затем, двигаясь за лейтенантом, поднимаемся в гору параллельно трубам, из которых хлещет прямо в горящее под берегом озеро нефть. Ручьи огня из этого озера стекают в Волгу и там горят на воде.

Наверху осматриваемся. Впереди, за железнодорожными путями, пылает, выбрасывая коптящее пламя, бак с рваными краями. Левее пробегают наши бойцы и на ходу стреляют навстречу летящим очередям. Мы бежим туда же, к двум нефтяным бакам, из-за которых стреляют гитлеровцы.

Обогнув покореженную цистерну, выскакиваем за железнодорожные пути и мчимся к одному из баков. В нашу сто-

рону летят светлячки.

Наверху что-то лопается: с глухим взрывом и гулом из впереди стоящего бака вырывается сноп пламени. У моих ног грохается горящий кусок железа. Юрий отступает назад, на его гимнастерке огонь. Подбегаю и сбиваю с него горящие брызги. Сзади меня облапил Алим. Я оборачиваюсь. «Горишь», – говорит он.

Возвращаемся назад, за разбитую цистерну. За ней еще раз осматриваемся и решаем, куда двигаться теперь. Обнаруживаю у себя многочисленные прожоги на гимнастерке и брюках. У лейтенанта положение еще хуже. Совсем мало пострадал Ахметов.

– Товарищ комвзвода, туда надо, – показывает Алим на проход между пылающим баком и вторым, еще не горящим.

Бежим туда. Впереди залегшие бойцы стреляют в злобно плюющийся короткими очередями пулемет. Мы останавливаемся, не добегая до них, и забираемся в воронку у разрушенного домика. Стрелять нам через головы своих неудобно. Вскоре пулемет смолкает. Бойцы поднимаются и бегут в ту сторону. Мы – вслед за ними.

У полуразрушенной трансформаторной будки слышим девичий крик:

– Ой, мама!.. Ой, мамочка!.. Ма-ма!..

У самой стены лежит девушка в армейской юбке и гимнастерке. Лежит лицом вниз, раз за разом стучит носками сапог о землю и повторяет свое: «Ой, мама, ой, мамочка!»

Над девушкой хлопочет пожилой боец.

– Что с ней? – спрашивает лейтенант. – Ранена?

– Да нет. Немца штыком заколола, а вот теперь, видно, мается…

Лейтенант пытается поднять девушку. Она сопротивляется и всхлипывает с неестественно вырывающимися из горла звуками: «Ма… ма… моч… ка… ма… ма…»

Я смотрю на девушку. Ей лет восемнадцать. Боец между тем рассказывает:

– Этот фашист из пулемета по нашим почти в упор бил. Сколько вон наших-то положил. И меня в ноги ранил. А она сбоку подбежала, сзади к нему в будку… и штыком… Эх, жизня! – с горечью выдохнул он. – До чего ж себя фриц опаскудил. Девчонок, которым бы любиться, миловаться, к смертоубийству понудил…

Девушка уже стоит и, вытирая слезы, все еще всхлипывает. Ее колотит дрожь, а губы все шепчут: «Мама!.. Мамочка!..»

– Успокойся, иди назад к Волге. Поможешь вот добраться и раненому, – уговаривает лейтенант девушку, показывая на пожилого бойца.

И когда она, наконец, неуверенно шагнула к раненому, Юрий резко поворачивается и бежит к разбитому дому, где слышны стрельба и взрывы гранат. Мы бежим вслед.

…С утра отбита уже вторая атака фашистов, но и наша последняя контратака не удалась. Роты батальона с потерями

вернулись на прежние позиции.

Втроем разместились на третьем этаже раскромсанного взрывами дома, в комнате нашего наблюдательного пункта – без потолка и крыши. Нам утром было приказано быть здесь: вести наблюдение за действиями противника и корректировать огонь нашей минометной батареи. Вместо Ахметова с нами тихий и щуплый связист Митя. Он бывший курсант военного училища. Многие бойцы и младшие командиры в нашей батарее из бывших курсантов.

Связь часто рвется. Я и Митя то и дело бегаем искать обрыв проводов на линии. Митя и теперь на линии ищет обрыв, а я сижу у телефона и повторяю:

– Урал! Урал! Я – Кама… Урал! Урал! Я – Кама…

И вдруг сильный взрыв отбрасывает меня к передней стене комнаты. Больно ударило градом кирпичных осколков, всего обдало пылью. В голове гул и звон.

Оглушенный, поднимаюсь на четвереньки и с беспокойством смотрю в сторону лейтенанта. На лице у него красная маска из кирпичной пыли.

Дом вздрагивает от ударов и взрывов. Фашисты ведут артиллерийский огонь по позициям нашего батальона.

– Проверь, как там связь! – кричит Постников.

Поднялся на ноги, и из ушей будто что-то вылилось. Глухота прошла, оставив звон в голове.

Аппарат валялся в углу и зуммерил. Связь работала. Прошла, видимо, глухота и у вставшего лейтенанта. Он тоже

услышал сигнал и сам подошел к телефону. Сообщив обстановку на батарею, Юрий вытер кирпичную пыль с лица, улыбнулся и сказал:

– А знаешь, Вовка, счастливые мы у наших мам. Снаряд-то через проем окна влетел и в заднюю стенку грохнул, а осколки за стену и ушли. Если бы чуть в сторону, плакали бы наши родные…

Митя пришел, когда опять появились вражеские пикировщики. На их фюзеляжах и крыльях кресты, на хвосте – свастика, шасси выпущены. Они как коршуны с когтями. Я начинаю считать самолеты, выстраивающиеся в круг, и на двенадцатом сбиваюсь. В меня вползает сосущая муть страха, когда один из хищников, не долетев до нашего дома, воя сиренами, круто бросается вниз. За ним – второй, третий, четвертый… Под завывание сирен вжимаюсь между обломками потолка и крыши, валяющимися на полу. Свист бомб перехватывает дыхание, грохот за стенами встряхивает дом, ударяет в уши. Отлетевшая от стен штукатурка и кирпичные осколки барабанят по спине и по ногам.

Отбомбившись, самолеты вновь становятся в круг, и опять леденящее душу гадание: «В меня?.. Не в меня!.. В меня?.. Не в меня!..»

– Мамочка, да когда же это кончится?! – слышу голос телефониста, и сам мысленно твержу почти то же самое…

Пронесло и на этот раз. Встаем и жадно пьем из бачка воду, принесенную Митей. Душно и жарко. Солнце печет

нещадно, прокаливая весь дом. В нашем кирпичном мешке не помогает и легкий ветерок, продуваемый через проемы окон и пробоины стен. Напившись, становимся на свои места. Митя садится к телефону, мы с Юрием наблюдаем за домами и проулками на той стороне улицы. Прикрываясь домами и укрытиями, там опять накапливаются фашисты, вновь видны их перебегающие фигуры.

Лейтенант намечает цели, телефонист передает их на батарею, и мы видим, как наши мины рвутся в местах скопления противника. Громыхают взрывы и наших снарядов…

Как только закончился минометно-артиллерийский огонь гитлеровцев по позициям батальона, их пехота перешла в атаку. За первыми рядами набегают все новые и новые группы солдат. Передние ряды, подпираемые задними, упорно лезут вперед…

Направлять огонь минометов нам трудно. Вражеские солдаты подошли почти вплотную, и можно поразить своих.

Мы с Юрием то хватаем гранаты и бросаем из окон в подбегающих фашистов, то стреляем по отдельным солдатам. Нам хорошо видно их сверху. Лейтенант умудряется еще и выбирать цели, перенося огонь батареи с места на место. От нас, из первого этажа, выскочила группа бойцов и отогнала прорвавшихся фашистов, но насели другие, и наши бойцы попятились обратно в дом.

На первом этаже начинаются рукопашные схватки. Замолчал наш пулемет на втором этаже. Гитлеровцы наращи-

вают атаку: через улицу бегут новые группы их солдат. Юрий забирает у меня последние гранаты и идет к лестничной площадке: снизу к нам могут сунуться враги. Я иду за ним, но он бросает:

– Смотри впереди…

Где-то позади, слева и справа от нас, послышались разрозненные непонятные крики. Я не сразу разобрал их сквозь хаос боя. Но когда плотной стеной вымахнули бойцы в бескозырках, с полощущимися вразлет ленточками, ясно услышал:

– Полундра!.. Вперед!.. Даешь!.. Полундра!..

Ощетинившись штыками, шли в контратаку моряки-дальневосточники, влившиеся в нашу 284-ю стрелковую дивизию на Урале. Они смяли первые ряды фашистов и сшиблись с задними…

Нет авиации, молчат пушки, не слышно взрывов мин и гранат; только выкрики, удары и выстрелы в упор.

Я стою и смотрю, оторопело ошеломленный, на жестокое зрелище: мелькают штыки, приклады, ножи, кулаки; сцепляются на двое, группами, катаются по земле. Возгласы, ругань, крики и стоны…

– Мама, моя родненькая! Что деется? Что деется? – Поворачиваюсь на голос и вижу бледного Митю, распахнувшего глаза на жуткую картину. Вначале удивленные, они начинают моргать, закрываться и открываться, а затем накрепко захлопываются. Он медленно отворачивается и, как слепой,

отходит в свой угол.

Я почему-то смотрю теперь только на Митю, будто он теперь – главное, а не то, что происходит вокруг.

А он сел, ощупью взял трубку и привычно стал слушать. Но в позе и поведении его было нечто новое, необычное. Сидел он, опустив голову, не шевелясь, и, казалось, отрешился от всего.

Так прошла минута, может, больше. Затем в нем что-то шевельнулось, начало оживать. Не отнимая трубки, Митя медленно поднял голову и встрепенулся. Глаза его сделались испуганными, он бросил трубку на аппарат, резко встал и, ничего не сказав, исчез.

Я подошел к телефону – связь не прослушивалась.

– Обрыв! – крикнул Юрий, который тоже удивился исчезновению связиста.

…Гитлеровцы не устояли перед натиском и отвагой моряков. Поспешно выходя из страшных тисков схватки, они уже не уносили, как прежде, своих раненых.

В тот день на участке нашего батальона враг все же продолжал предпринимать все новые и новые атаки. Поредевший батальон, поддержанный моряками, отвечал контратаками.

Продолжали свирепствовать бомбо-снарядные смерчи, корежа металл, бетон, кирпич и землю. И все так же продолжали умирать в этой огнеметельной круговерти люди. День подходил к концу…

Связь после поспешного ухода телефониста вскоре наладилась, но сам он больше к нам не вернулся. Мы не стали о нем ничего сообщать на батарею, полагая, что если Митя не пришел, то на это есть причины, и зная, что заменить его все равно некем.

Вдвоем с лейтенантом делали свое дело. Силы были на пределе. Мне недоставало ни быстроты, ни проворства. Я видел, что и двужильный лейтенант начинает сдавать. К концу дня нас шатало. И когда тяжелый затяжной бой прекратился, мы, отупевшие и измочаленные, сели, привалившись к стене. Не хотелось ни двигаться, ни говорить.

Только в наступивших сумерках получили приказ возвращаться на батарею. По скелетам лестничных площадок и маршей спустились вниз и ступили, наконец, на твердую землю…

Утром, устанавливая минометы, долбили оставшийся от взрывов асфальт. Почти не слышно было разговоров, во всем чувствовалась суровая тягостность. Возле полуразрушенного склада прямо на земле, поджав ноги и обхватив голову руками, сидел Алим Ахметов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.